

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург

2019

ББК 87
Ф56

Рецензенты:

Доктор философских наук, доцент, проректор по учебной работе
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета

А. О. Туфанов

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургского государственного университета

Е. А. Овчинникова

Философия образования. История и современность : монография /
под ред. И. Д. Осипова, С. Н. Погодина. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. –
398 с.

В монографии анализируются проблемы толерантности и образования в постсекулярном мире, конкуренции мировоззрений в сфере образования, особенности цифровизации и цифровой грамотности как условия развития образовательной среды. Значительное внимание уделяется политике медиа.

В монографии также исследуются традиции отечественной философии образования, русской педагогической мысли. Они исходят из органичного синтеза в процессе образования просвещения и нравственного воспитания, направленного на формирование целостной личности. В русской философии образования особую значимость имеют идеи М. В. Ломоносова, А. И. Герцена, А. С. Хомякова, В. И. Герье, русских эмпириокритиков – А. А. Богданова, П. С. Юшкевича. Проблематика монографии затрагивает и международный контекст философии образования, который включает сравнительный анализ подходов к образованию в Швеции, Финляндии, Китае и Великобритании.

Печатается по решению

Совета по издательской деятельности Ученого совета

Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

© Осипов И. Д., Погодин С. Н., научное
редактирование, 2019

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2019

ISBN 978-5-7422-6769-0

УДК I(091)

А. Е. Рыбас

**ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРС ПРОЧТЕНИЯ ИДЕЙ
РУССКИХ ЭМПИРИОКРИТИКОВ¹**

**PHILOSOPHY AS EDUCATION: THE APPROACH TO STUDYING
THE IDEAS OF RUSSIAN EMPIRIOCRTICS**

РЫБАС Александр Евгеньевич - кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет E-mail: rusphil@mail.ru

RYBAS Aleksandr E. - St. Petersburg State University
Universitetskaya naberezhnaya7/9, St. Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: rusphil@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды русских эмпириокритиков, прежде всего П. С. Юшкевича и А. А. Богданова, в контексте проблематики философии образования. Доказывается, что функциональное понимание истины и обусловленная им трактовка философии как инструмента преобразования действительности позволили еще в начале XX века сторонникам второго позитивизма в России сформулировать и решить целый ряд вопросов, сохраняющих до сих пор свою актуальность и теоретическое значение. Тем самым демонстрируется возможность соответствующего ракурса историко-философского истолкования основных положений русского эмпириокритицизма.

The article considers the views of Russian empiriocritics, primarily P. S. Yushkevich and A. A. Bogdanov, in the context of the problems of education philosophy. It is proved that at the beginning of the twentieth century the functional understanding of truth and the interpretation of philosophy as a tool for transforming reality made it possible for the protagonists of the second positivism in Russia to formulate and solve a number of problems that still retain their relevance and theoretical significance. This way it is demonstrated that the corresponding approach to historical and philosophical interpretation of the basic principles of Russian empiriocriticism is quite possible.

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ; ВТОРОЙ ПОЗИТИВИЗМ; РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ; ЭМПИРИОМОНИЗМ; ЭМПИРИОСИМВОЛИЗМ; ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

EMPIRIOCITICISM; SECOND POSITIVISM; RUSSIAN PHILOSOPHY;
EMPIRIOMONISM; EMPIRIOSYMBOLISM; EDUCATION PHILOSOPHY

Одной из важнейших особенностей русского эмпириокритицизма конца XIX – первой четверти XX в. было особое понимание философии, которое сейчас, уже в ином контексте и с учетом принципиально новых реалий, можно связать с проблематикой философии образования. Действительно, антиметафизический пафос, присущий всем сторонникам позитивизма, способствовал выработке у них соответствующего взгляда на предмет и задачи философского познания, который в корне отличался от традиционного и открывал довольно смелые перспективы для интеллектуального творчества. А именно, предметность философии стала пониматься как «собрание человека», что предполагало не восстановление «подлинного» в человеке, а созидание его. В этом смысле человек, вместе со всей реальностью, обусловленной его существованием и деятельностью, стал восприниматься как проект, на реализацию которого и должны были быть направлены усилия философов.

Общее для всех русских эмпириокритиков видение философии сформулировал П. С. Юшкевич, предложивший рассматривать философию не в контексте познания (как науку наук или привилегированный способ постижения реальности), а в контексте идеологии, которую он трактовал как смешанное интеллектуально-эмоциональное образование, своеобразное сочетание «логики чувств» и «логики ума». Идеология возникает вследствие того, что все стороны аффективной жизни человека ассоциированы с явлениями интеллектуального порядка: восприятиями, представлениями, воспоминаниями, понятиями и т. д. Точнее,

идеологические образования изначально даны человеку как его психологическая реальность, причем эта реальность является единственной и только на нее направлена познавательная активность человека. Познание, с этой точки зрения, является упорядочиванием идеологических образований, и философии в этом деле отведена особая роль. Специфика философии заключается в том, что она представляет собой опыт осмысления мира как *целого*. «Философия, – пишет П. С. Юшкевич, – это своеобразная целостная психологическая реакция человека на совокупность сущего. Основной философский вопрос гласит: “Что есть *всё*? Что значит это “всё” для меня и что я значу в нем?”» [1, с. 9].

Очевидно, что суждение обо «всём» является незакономерным умозаключением от ограниченной части опыта к необъятному целому. «Однако это логически неправомерное умозаключение имеет для делающего его огромную эмоциональную ценность, да в нем собственно и заключается вся ценность мировоззрения для человека» [1, с. 15]. Известно, что целое, как совокупность сущего, не тождественно общему и не сводится к простой сумме своих частей. Таким образом, философия, стремящаяся представить мир как целое, кардинально отличается от науки, изучающей общее, вследствие чего философские размышления об универсуме несопоставимы с научным познанием мира. И если результатом научного исследования является знание, то философия скорее похожа на художественное творчество. И действительно, «целое» – это эстетическая категория, необходимая для *создания* сущего, а не для его познания. Каждая философская система представляет собой опыт эстетического воззрения на мир, когда границы собственного «Я» раздвигаются настолько, чтобы можно было включить в них все сущее. Вот почему

философ ищет абсолют не вовне, а внутри себя, «в тайниках самых интимных индивидуальных переживаний» [1, с. 165]. Таким образом, философ никогда не описывает сущее с объективистско-безличной точки зрения, а заинтересованно утверждает свое место в мире, который сам и создает. Философ – это не бесстрастный систематизатор знания о сущем, а «иллюминат», «поэт космоса», которому удастся увидеть его как целое «в ослепительном озарении одной идеи, одного чувства» и затем довести свое мировидение до степени миропонятия, развернув «междометие» первичной интуиции в «стройную и связную грамматическую фразу» [1, с. 10].

Философия, по мысли П. С. Юшкевича, должна отказаться от универсалистского дискурса и претензий на абсолютное познание, превратившись в частное дело каждого, в свободное творчество личности. Однако это не означает, что философское творчество должно быть бесосновным и произвольным. Наоборот, подлинное творчество предполагает высокий уровень образованности философа, его знакомство с последними достижениями в сфере наук, так как только положительное знание является основанием для философии и определяет направленность философских интуиций. Эти границы, созданные наукой для философии, довольно эластичны, «это, скорее, односторонние границы, границы снизу, мешающие нам опуститься, но не препятствующие полёту вверх побуждаемой космическим темпераментом творческой фантазии» [1, с. 17–18]. В будущем философия, согласно П. С. Юшкевичу, сблизится с поэзией и превратится в «вольное мироощущение личности». Это будет «позитивное мифотворчество, сознательная иллюзия, серьёзная игра, поэзия понятий» [1, с. 183]. Выработается новый духовный тип

человека, который сможет, создавая иллюзию познания мира как целого, примирить полярности «разума» и «сердца».

В эмпириомонизме А. А. Богданова – самого авторитетного представителя второго позитивизма – проблематика философии образования получила наиболее полное выражение. Начнем с трактовки истины – положения, которое является центральным в эмпириомонизме и определяет ракурс рассмотрения многих других вопросов. Критикуя метафизическое понимание истины, предполагающее дуалистическую интерпретацию мира и приводящее к целому ряду неразрешимых проблем, А. А. Богданов обращает внимание на то, что статус истины отнюдь не обуславливается всецело ее ролью в объективном (абсолютном) познании. Функции истины более многочисленны и разнообразны. Так, например, коль скоро незаинтересованного познания, скорее всего, не бывает, то необходимо, говоря об истине, учитывать ее ценностное измерение, т. е. значимость для жизни отдельного человека или социума. Исходя из этого А. А. Богданов рассуждает о воспитательной роли истины, представляя ее как «полезное заблуждение». Основная функция истины, с этой точки зрения, заключается отнюдь не в «отражении» объективной действительности, а в том, чтобы найти оптимальный, наиболее «экономный» способ организации социально значимого опыта.

Понимание истины в эмпириомонизме существенно отличается как от гносеологических (истина – это соответствие вещи и интеллекта, или адекватное отображение реальности в сознании), так и онтологических (истина – это сама реальность, бытие, «естина») ее трактовок. Первый подход, гносеологический, не устраивал А. А. Богданова потому, что требовал допустить существование

объективной реальности, независимой от нашего сознания (в этом случае возник бы дуализм познания со всеми вытекающими отсюда неразрешимыми проблемами). Второй подход, онтологический, предполагал догматическое принятие истины как абсолюта, в результате чего истина трактовалась бы статически и изымалась из сферы возможного опыта.

Пытаясь осмыслить существо истины в контексте непрерывного опыта, А. А. Богданов, с одной стороны, стремился не допустить превращения истины в пустое абстрактное понятие или в логическую категорию, указывая на жизненное значение истины и на ее опытное происхождение, а с другой стороны, старался избежать вульгарного отождествления истины с бытием или жизнью, так как в этом случае, во-первых, понятие истины страдало бы чрезмерной неопределенностью и, во-вторых, осталась бы непроясненной ее способность служить познанию. В результате появилась эмпириомонистская трактовка истины, которую можно назвать неклассической, поскольку она содержит элементы конвенциональной теории (истина – это результат соглашения [2]), когерентной, разработанной прежде всего в эмпириокритицизме (истина – это характеристика непротиворечивого сообщения, свойство согласованности знаний [3]), прагматической (истина – это полезность знания, его эффективность, т. е. истинным является то, что позволяет достичь успеха [4]) и теории истины, предложенной в философии жизни Ницше (истина есть тот род заблуждения, без которого определенный род живых существ не мог бы жить [5]).

Согласно А. А. Богданову, «истина есть идеологическая форма – организующая форма человеческого опыта» [6, с. 220]. Как элемент идеологии, она имеет свой «материальный базис», а именно

технический процесс, сферу непосредственной борьбы человека с природой (и окружающей внешней социальной средой). При изменении базиса меняется и существо истины, поскольку появляется возможность выработки новых идеологических приспособлений, а значит, истина динамична, а не статична. Материальный базис обуславливает и критерий истины, который заключается в способности истины служить расширению опыта, т. е. его прогрессивной организации. «“Истинность” тех или иных познавательных форм выражается именно в возможности строить на них “практику”, не приходя к противоречию, т. е. в конечном счете в их пригодности для координирования действий» [6, с. 268].

Интересно заметить, что к такому пониманию истины А. А. Богданов пришел в результате чтения прежде всего марксистской литературы. В марксизме он увидел неклассическую материалистическую философию, применяющую методы социально-генетического исследования и пытающуюся построить картину мира исходя из него самого, т. е. из отношений между данными опыта, без апелляции к сверхопытным метафизическим инстанциям. «Для меня марксизм, – писал А. А. Богданов, – включает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин» [6, с. 217]. В этом отношении философия марксизма противостоит традиционному материализму, который принимал «истины времени» (объективные истины, но только в пределах данной эпохи) за «истины на все времена» (объективные в абсолютном значении слова). Такими исторически непреходящими истинами считались понятия материи, пространства и времени, законы движения материи и проч. Последовательный материализм, согласно А. А. Богданову, должен с необходимостью отказаться от

этих догматов – рудиментов метафизического мышления, так как в противном случае ему не удастся избавиться от догматики и статики, препятствующих подлинно философскому познанию мира.

Отстаивая последовательность марксизма, А. А. Богданов вел полемику с такими его интерпретаторами и популяризаторами, как Г. В. Плеханов и отчасти Ф. Энгельс. Недостаток философии последнего, по мнению Богданова, заключается в том, что она страдает нерешительностью в проведении принципа исторической обусловленности всякой истины. Как известно, Ф. Энгельс допускал возможность «плоских» абсолютных истин («Plattheiten»), таких как математические положения («дважды два – четыре»), законы логики (в частности, закон тождества $A=A$), констатации факта («Наполеон умер 5 мая 1821 года») и др. Такие истины являются «банальными» и «жалкими», однако именно в силу своей банальности они могут претендовать на вечность и неизменность. А. А. Богданов увидел в этой непоследовательности большую угрозу для монистической философии и выступил с бескомпромиссной критикой «банальных» истин. Действительно, если допустить возможность абсолютных истин пусть на таком, элементарном уровне, то ничто не сможет помешать их утверждению и на уровне метафизическом. Более того, соблюдая принцип интеллектуальной честности, философ должен был бы непременно это сделать, что повлекло бы за собой реабилитацию дуалистической картины мира и религиозного мышления.

Прежде всего, А. А. Богданов указал на неточность даже самых, казалось бы, очевидных «плоских» истин. «Дважды два – четыре» не может считаться абсолютной истиной, во-первых, потому, что это простая тавтология, т. е. обозначение одного и того же при помощи

разных слов, а тавтология не может нести новой информации и не может служить организации опыта; во-вторых, истинность данного математического положения зависит от соответствующей системы исчисления, которая конвенциональна, так как в свое время была изобретена человеком: согласно другой системе (троичной), также придуманной людьми и поэтому ничем не уступающей первой системе, дважды два будет равняться не четырем, а минус одиннадцати. Таким образом, все дело сводится к тому, какую систему счисления мы договоримся считать истинной, а не что данное математическое положение истинно. Законы логики не могут считаться вечными истинами на том основании, что они фиксируют статику мысли, а не ее динамику. Кроме того, чтобы логические законы действовали, необходимо принять на веру ряд допущений, а это значит, что нужно руководствоваться такими понятиями, которые не могут быть выведены из опыта и не допускают опытную проверку, т. е. являются простыми догматами, происхождение которых как раз и нужно поставить под вопрос. Например, силлогизм Барбара будет истинным только в том случае, если мы догматически примем первую посылку, имеющую квантор всеобщности (нужно поверить в то, что «все люди смертны»), чтобы, зафиксировав свою принадлежность к роду человеческому, сделать вывод о собственной смертности; но из опыта нельзя узнать, что все люди смертны, так как из того, что все жившие до настоящего времени умерли, не следует, что люди будут умирать всегда; руководствуясь этим соображением, А. А. Богданов, кстати, ставил перед собою реальную цель найти способ максимально долгого продления жизни и в связи с этим выдвинул идею переливания крови). Закон тождества сам является большим допущением и абстракцией, так как в опыте нет

ничего тождественного и статичного (достигнутое равновесие лишь кажется таковым, будучи обусловленным интерференцией динамических процессов, переживаний). Принятие закона тождества за абсолютную истину обычно ведет к заблуждениям и ошибкам, вызванным смешением тождества символов с тождеством явлений, ими обозначаемых. Что касается смерти Наполеона, то, опять же, это утверждение не может считаться абсолютно истинным: констатация факта вообще представляет собой очень сложную процедуру и зависит от ряда условностей. Так, чтобы утверждать абсолютность истины о дате смерти Наполеона, необходимо сначала разобраться с тремя понятиями, составляющими данное суждение: первое относится к определенной личности – Наполеону, второе – к определенному физиологическому процессу – смерти, а третье – к исторической дате. Очевидно, что ни одно из этих понятий не может считаться абсолютно истинным: о том, кто же на самом деле был Наполеон, до сих пор спорят историки, о том, что такое смерть, спорят врачи и философы, а историки устанавливают дату смерти исходя из свидетельств очевидцев кончины Наполеона и полностью зависят от них, а значит, и здесь возможна практически бесконечная полемика. Таким образом, истины факта вообще не могут быть истинами и их следует считать всегда лишь интерпретациями.

«Для объективной истины надысторической – критерия нет в нашем “историческом” мире» [6, с. 219], – делает вывод А. А. Богданов. «Истина – это живая организующая форма опыта, она ведет нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры в жизненной борьбе; разве “банальности”, поскольку они “плоски”, подходят к этой характеристике?» [6, с. 219]. Жизненное значение истины обуславливается не тем, что она вечна и неизменна, а тем,

что она может служить целью совместных действий и орудием достижения этой цели. И подобно тому, как последняя цель знаменовала бы собою конец движения, а значит, прекращение жизни, так и последняя истина предполагала бы конец мышления, творческой деятельности человека.

Инструментарный и ценностный взгляд на истину определил и задачи философии, как они виделись А. А. Богданову в «Эмпириомонизме». В широком смысле слова эти задачи могут быть поняты в контексте философии образования. Очевидно, что если целью философского мышления считать не экспликацию истины, а создание ее для организации опыта, или, другими словами, для формирования действительности и соответствующей ей концепции человека, то по существу эмпириомонизм является одним из первых опытов философии образования. Не случайно А. А. Богданов такое большое внимание уделяет разработке «идеала познания», который будет выступать одновременно и идеалом жизни.

Поскольку вектор прогрессивного развития опыта определяется движением от низших форм организации (субъективного опыта) к высшим (объективному), то можно, по мысли А. А. Богданова, сформулировать идеал познания, не прибегая к метафизическим идеям совершенства или конечной цели. Этот идеал заключается в том, чтобы познание объединило «всю сумму человеческих переживаний в гармонически-целостные, бесконечно пластичные формы, в которых опыт каждого органически сольется с опытом всех» [6, с. 36].

Однако несмотря на то, что социально организованный опыт является биологически высшим и именно его рост и гармонизация задают направление развитию познания и человеческой жизни в

целом, идеал познания не может предполагать исчезновение субъективного опыта, его полное растворение в опыте объективном. С одной стороны, «индивидуальная организованность вовсе не исключает организованности социальной, а, наоборот, легко становится элементом этой последней, так же как и в процессах труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключает гармонического единства воли коллективной, а, наоборот, при известных условиях позволяет этому последнему достигнуть высшей ступени» [6, с. 27]. С другой стороны, при полном совпадении субъективного и объективного опытов идеал познания превратился бы в догму и в случае своего достижения стал бы непреодолимым препятствием не только для дальнейшего развития знания (оно окажется вообще невозможным), но и для его существования как целостной системы опыта (так как не бывает замкнутых систем, которые бы функционировали в условиях равновесия). Следовательно, делает вывод А. А. Богданов, слияние опыта каждого с опытом всех должно быть динамическим, процессуальным, т. е. таким, при котором обеспечивается бесконечность пластичных форм, а это означает практическое несовершенство достигнутого.

Таким образом, идеал познания, знаменующий собой торжество объективного опыта, ни в коем случае не должен исключать наличие и важность опыта субъективного, поскольку именно благодаря последнему возможно развитие знания. Субъективный опыт должен сохраняться потому, что объективный опыт даже при достижении идеала познания не будет совершенным, законченным: в нем все равно сохранятся противоречия, которые нужно будет устранять (ибо в опыте нет ничего абсолютного). Идеал познания, поэтому, не указывает на возможность чистого знания, а выступает в качестве

механизма дальнейшей гармонизации объективной действительности, обеспечивая непрерывное «расширение социального опыта путем внесения в него новых и новых элементов индивидуального опыта отдельных развивающихся личностей» [6, с. 27].

Идеал познания позволяет также структурировать историю человечества, рассматривая ее как последовательное прохождение трех этапов организации социального опыта.

На первом этапе социальный опыт предстает как недифференцированное целое, когда психический ряд зависимости совпадает с физическим в силу неразвитости их обоих: в первобытно-коммунистическом обществе еще не было разделения на субъект и объект, а значит, отсутствовала внутренняя борьба и противоречия; «там человек не умел отделять себя от своей группы; его опыт непосредственно сливался с опытом других людей, слово “я” обозначало для него собственное тело с его непосредственными потребностями, но вовсе не комплекс эмоций и стремлений, резко отграниченных от эмоций и стремлений других людей, как это бывает в современном обществе» [6, с. 36]. Можно сказать, что собственно психического, или субъективного, опыта на данном этапе вообще не было: человек существовал не индивидуально, а социально, из чего следует, что социальность составляет подлинное в человеке, его основу. Примитивное единство психического и физического сохранялось, однако, постольку, поскольку социально организованный опыт был небольшим по объему и мог передаваться из поколения в поколение путем трансляции его как целого, без членения на составные части (каждый человек мог быть носителем всего социально значимого знания и являлся им, что

делало выделение субъективности просто ненужным). По мере гармонизации социального опыта объем его объективного содержания вырос и возникла необходимость выработки специальных механизмов его консервации.

Таким механизмом стало дробление единого континуального опыта на два типа организации: социальный и индивидуальный. Вследствие дробления возникла дисгармония, подрывающая индивидуальное существование каждого человека, который прежде всего стал развивать свой субъективный опыт как приспособление для индивидуальной борьбы за жизнь. Общество оказалось во власти дуализма, и тоска по трансцендентному вытеснила из памяти понимание подлинного существа человека, его социальности. Человек стал мыслить себя сообразно той роли, которую он играл в обществе (организатор или исполнитель), и закреплял в своем опыте соответствующие способности (интеллектуальные или физические). Установившаяся субъект-объектная диспозиция и авторитарное мышление стимулировали дальнейшее дробление социума и в результате привели к опустошению жизни человека, лишили его полноты и радости земного существования. Однако в условиях максимального отчуждения человека от человека и торжества индивидуализма постепенно начало приобретать значение объективное знание, которое вскоре получило статус науки. По мере роста авторитета научного знания и развития техники появился и новый тип людей – рабочие, которые благодаря специфике своего труда (для работы с машинами нужно было быть одновременно и организаторами и исполнителями) актуализировали коллективистский тип мышления и жизни и тем самым сделали возможным дальнейшую гармонизацию социально значимого опыта.

На третьем этапе, согласно А. А. Богданову, должно произойти «собрание человека» – возврат к изначальному социальному единству, которое будет уже не примитивным, а интегральным. Преодоление дихотомии психического и физического опыта позволит отказаться от дуалистического мышления, метафизического представления сущего, разрушит мифы об уникальности субъекта и вечности абсолютных истин. Индивидуализму и авторитаризму будет противопоставлен коллективизм как новая форма жизни и мысли, произойдет тотальная переоценка ценностей с точки зрения коллективистской морали. «Свободное стремление к социальной гармонии познания вместе с глубокой уверенностью в возможности и необходимости ее достижения будет постоянно господствовать над всеми проявлениями личного сознания. Освобожденная от внутреннего разлада человеческая мысль, ничем не затемненная, чистая и ясная, будет с недоступной нашему воображению энергией прокладывать себе путь в бесконечность. Там будет достигнут истинный эмпириомонизм, который представляется нам идеалом познания» [6, с. 36].

Следует отметить, что процесс собрания человека мыслился А. А. Богдановым принципиально незавершимым. В настоящее время собрание человека обусловлено необходимостью решения ряда конкретных задач, связанных с устранением явных противоречий социальной жизни (раздробленность человека на психологическом, образовательном, экономическом и других уровнях). Эти задачи решить нелегко, но все-таки можно, хотя на это уйдет довольно длительное время (А. А. Богданов, как известно, не верил в возможность скорейшего построения социализма авторитарными методами и считал необходимым прежде всего повышать

общекультурный уровень людей, для чего потребуется, скорее всего, не одно столетие). Когда же все проблемы внутрисоциальной жизни будут решены и человек окажется «собранным», т. е. станет жить и мыслить как одно человечество, то тогда актуализируются более глубокие стимулы социального развития, благодаря которым можно будет избежать косности и застоя. Эти первичные, т. е. наиболее фундаментальные, стимулы «возникают там, где человек встречается лицом к лицу с природой, где в непосредственной борьбе с нею он сам выступает как производительная, как творческая сила» [6, с. 75]. Таким образом, собирание человека вновь предстанет как задача, только теперь она значительно усложнится, поскольку потребуется восстановить изначальное единство человека и природы. Человечество как целое по сравнению с природой – это небольшой островок организованного опыта, которому противостоит враждебная, т. е. неорганизованная внешняя среда. И поскольку природа бесконечна, то достижение последней цели никогда не случится, а значит, человек никогда не остановится в своем развитии.

Итак, основные идеи русского эмпириокритицизма органично вписываются в проблемное поле философии образования: характерный для всех мыслителей данного направления пафос переустройства сферы мысли и сферы жизни посредством философского творчества позволяет рассматривать их учения именно в этом ключе. «Жизненное значение философской картины мира, – утверждал А. А. Богданов, – заключается в том, что она есть последняя и высшая, *всеорганизующая* познавательная форма» [6, с. 232]. В этих словах, как кажется, выражается не только суть эмпириомонизма, но и целая программа актуальной философии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Юшкевич П.С.** Мировоззрение и мировоззрения: Очерки и характеристики. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 184 с.
2. **Пуанкаре А.** Наука и гипотеза. М.: URSS, 2018. – 240 с.
3. **Мах Э.** Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория исследований, 2003. – 456 с.
4. **Пирс Ч.С.** Принципы философии. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. – 541 с.
5. **Ницше Ф.** Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
6. **Богданов А.А.** Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. – 400 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Осипов И.Д., Погодин С.Н.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава 1.

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Быстров В.Ю., Дудник С.И.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ
МИРЕ 6

Волкова А.В., Кузнецов Н.В.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РАЗВИТИЕ И
ВЫЗОВЫ 23

Львов А.А.

КОНКУРЕНЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 46

Матвеевская А.С., Евсеев В.В., Погодина В.Л.

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА 67

Мачкарина О.Д.

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 80

Мохорова А.Ю., Демидов В.П.

РОЛЬ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ 109

Стребков А.И., Карпенко А.Д., Маврин О.В., Сунами А.Н.

РОЛЬ ПРАКТИКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
МИССИИ КОНФЛИКТОЛОГИИ 128

Хайдарова Г.Р. ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКИ МЕДИА	152
---	-----

Глава 2

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В АГРАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	176
--	-----

Лобеева В.М. РАБОТА С ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИМ ТЕКСТОМ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ	191
---	-----

Осипов И.Д. ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА	198
---	-----

Павлова О.К. НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	209
--	-----

Погодин С.Н. ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГЕРЬЕ И ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	230
--	-----

Шапошников Л.Е. ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.И.ГЕРЦЕНА	244
---	-----

Ягья Т. С. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РФ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	262
---	-----

Сюндюков Н.К. ФЕНОМЕН СОБОРНОСТИ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ А.С. ХОМЯКОВА	292
---	-----

Рыбас А. Е.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРС ПРОЧТЕНИЯ ИДЕЙ РУССКИХ ЭМПИРИОКРИТИКОВ	303
---	-----

Глава 3

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кучумова Е.В., Ван Цзюньтао

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ – СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	322
---	-----

Мюллер А.М.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ШВЕДСКОГО ИНСТИТУТА.....	340
---	-----

Рябова А.Л.

ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	351
---	-----

Саблина М.А.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ФИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	370
--	-----

CONTENTS

OSIPOV Igor. D., POGODIN Sergey N.

PREFACE 3

Chapter 1.

EDUCATION IN THE MODERN RUSSIAN STATE

BYSTROV Vladimir Y., DUDNIK Sergei I.

TOLERANCE AND EDUCATION IN THE POST-SECULAR WORLD 6

In the article there is considered tolerance problem which is inevitably arising in university education during a post-secularity era. The main signs of an era of post-secularity and its difference from a secularism era are disclosed. It is shown that is impossible not only return to secular society, but also return to dominant position of religious education at the universities which was characteristic of secular era.

TOLERANCE; UNIVERSITY; SECULARISM; POST-SECULARISM

KUZNETSOV Nikita V., VOLKOVA Anna V.

SCIENCE AND EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION:

DEVELOPMENT AND CHALLENGES 23

The article discussed a number of fundamental changes in the perception of science and education in the digital era: fundamental change in the perception of science and education (both as a process and as a result); distributed knowledge and new ways of producing knowledge; focus on skills acquisition (network communication, new communication technologies, virtual, distance learning); concept of continuing education/learning. «Citizen science» is the concept of attracting inquisitive non-specialist volunteers to serious research projects and programs, which successfully implements its projects through the introduction of portable technologies. Citizen science projects and new types of distance education (online courses, webinars), implemented by major universities, increase the general literacy rate of the population, focus on training and development of education. Engaging in interaction, this type of network communication pushes age boundaries of or territorial-state restrictions, equalizes people of different social origins, eliminates religious, racial, cultural differences and offers common goals. The authors come to conclusion that the internationalization of education, network communication technologies, brand promotion and the development of reputation capital are new priorities for the largest federal universities in contemporary Russia.

DIGITALIZATION OF SOCIETY; CITIZEN SCIENCE; NETWORK COMMUNICATION TECHNOLOGIES; INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION; COLLABORATION; UNIVERSITIES; PUBLIC DIPLOMACY

LVOV Alexander A.

THE COMPETITION OF WORLDVIEWS IN THE SPHERE OF
EDUCATION 46

In the intermediate period the sphere of education becomes an arena for competition of worldviews, which reflects the lack of the values and points shared by the community towards the main issues and events. I will focus on an historic case, that immediately touches our issue, that is the case of worldview struggle around the tasks of the classical education in Weimar Germany. This case is very illustrious as it became the conclusion of a long story of development of classical studies (Altertumswissenschaft) in Germany, which had been the source of national self-consciousness and political and academic training for the elite for centuries. It also provides us with the opportunity to observe, how the mechanisms of mythologization works, as far as mythologization seeks every foundation of the educational project that is aimed at the revival or rise of national self-consciousness. By ‘mythologization’ I mean the fundamental interpretative diversity, laying the basement of the educational ideal as its certain semantic structure; in this I follow Claude Levi-Strauss’s ideas. My research considers, how such a variety became possible in respect to the classical scholarship in the German academic domain, and how it was used in the competition of worldviews between two World Wars. I will discuss different worldview and ideological projects, which appeared as the basis for the educational ideal of the classic upbringing. Finally I will substantiate my own variant, how to avoid mythologization of educational ideal as well as worldview competition in the contemporary educational domain. To my mind, an obligatory term for that is skeptical attitude to reality, by which I mean free and responsible search for knowledge. At the same time such a skeptical approach renders a considerable integrative factor for consolidation of the students on parity basis with equal respect to the values of each other.

PHILOSOPHY OF EDUCATION; COMPETITION OF
WORLDVIEWS; MYTHOLOGIZATION; EDUCATIONAL IDEAL;
SKEPTICAL ATTITUDE

MATVEEVSKAYA Anna S., EVSEEV Vladimir V., POGODINA

Victoria L.

DIGITAL LITERACY AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF
THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY 67

The transformation of professional activity is determined by the needs of the digital economy and the trends of technical and technological modernization. There are new requirements for competence, level of knowledge and skills of specialists. They should be able to adapt to the conditions of temporal modernization of production. It is necessary to strive to meet the requirements of the market in terms of professional quality parameters corresponding to the level of modern digital culture.

DIGITAL LITERACY; INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES; DIGITAL EDUCATION ENVIRONMENT; INFORMATION SYSTEM

МАЧКАРИНА Olga D.

ENGINEERING EDUCATION IN THE MODERN UNIVERSITY: 80
 PROBLEMS AND PROSPECTS

In the article the author presents the analysis of the modern model of engineering education, reveals the characteristic features of the epoch of "digital economy" and the profession of an engineer in the conditions of modern public production, reveals the peculiarities of the modern paradigm of technical education, reveals the history of development of the model of engineering education, the specifics of modern engineering education, the requirements to the quality of engineering education in the conditions of "digital economy", indicates the problems of personnel training within the university.

ENGINEERING; DIGITAL ECONOMY; QUALITY EDUCATION; MODEL OF ENGINEERING EDUCATION; MODERNIZATION OF EDUCATION

МОКХОРОВА Anna Y., DEMIDOV Vladimir P.

THE ROLE OF LEGAL EDUCATION IN THE MODERN RUSSIAN STATE 109

Legal education is an important element of the educational process in modern Russian higher education institutions. The question of the importance of studying law for the formation of an effective legal state and a developed civil society, a high legal culture and respect for the legal system is topical. As research methods, the analytical method was used, with the help of which such concepts as legal training, legal education, legal culture were studied. Further, the obtained data were synthesized to understand the need to study various aspects of the educational process to determine the role of law in the education system. At the same time, legal education was considered as a single interconnected system, the elements of which are interrelated and interdependent. The result is a confirmation of the importance of legal education and its impact on development in the minds of students the value-oriented views on the legal system of the Russian state as a reflection of conceptual approaches to the impact of society on the formation of moral principles of the younger generation that are most relevant to the goals and objectives of building a modern civil society in our country.

LEGAL EDUCATION; LEGAL SYSTEM; LEGAL EDUCATION; LEGAL CONSCIOUSNESS; LEGAL CULTURE; CIVIL SOCIETY

**STREBKOV Aleksandr I., KARPENKO Aleksandr D., MAVRIN Oleg V.,
SUNAMI Artem N.**

**THE ROLE OF STUDENTS ' PRACTICE IN THE IMPLEMENTATION OF
THE SOCIAL MISSION OF CONFLICTOLOGY 128**

The article raises the problems and possibilities of practice in the process of preparing graduates of the Conflictology educational program in the context of the new Federal State Educational Standard for Higher Education (FSES HE 3 ++) and the socialization of conflict studies in modern Russia.

The conflict resolution education program not only provides students with theoretical knowledge about conflict, without which it is not possible to become a professional, but also instills skills in dealing with conflict. The practice-oriented component of the educational program prepares specialists for direct and specific activities to intervene in the conflict with a view to resolving it. Analytical skills in training a conflictologist are not separable from skills for resolving specific conflicts.

FSES HE 3 ++, highlighting Block 2 "Practices", allows within the framework of training and production practices not only to get acquainted with the environment where conflict interactions appear, where the intervention of a conflictologist is indispensable, but also to determine the level of conflictogenicity of an enterprise and organization, to identify crisis points of the entire organization management system. Therefore, it is necessary, to the extent of the interests of students who begin to be identified in the process of selecting topics for term papers, to provide them with the opportunity to familiarize themselves with the specific social environment within which their analytical and practical interest is represented, for which it is necessary to direct students to organizations with maximally ex-pressed relationships that generate substantive field research course, why it is necessary to send students to organizations with the most pronounced relationships that generate the subject field of course research.

For the preparation of conflict experts, there is no single universal practice that could cover both areas of professional activity and all types of activities for resolving conflict and restoring postconflict relations. Therefore, each student finds himself in one form or another of conflictological activity, moves in the educational trajectory to which he exhibits great inclinations. In this connection, the conflict resolution education program is as close as possible to the fulfillment of the mission of all education, fixed in the law "On Education in the Russian Federation" - to satisfy the educational needs and interests of a person and citizen.

SOCIAL MISSION OF CONFLICT RESOLUTION; EDUCATIONAL PROGRAM ON CONFLICT RESOLUTION; STUDENT PRACTICE; COMPETENCIES

КХАИДАРОВА Gulnara R.

MILITARY EDUCATION AND POLITICAL MEDIA 152

The article raises the problem of the influence of media policies on the traditional institution of military education. Two vectors of such influence are singled out: social ties within the military Alliance and the strategic way of thinking. Horizontal and vertical social relations play an essential role in any educational process, but in the case of military education with its specific tasks, they are of decisive importance. The formation of analytical and predictive thinking ability, in turn, requires the introduction of the discipline "Philosophy of military management". The article aims to determine the priorities of military education in the modern media situation, sweeping away traditional boundaries.

MEDIA POLITICS; IMAGINATION; FORWARD THINKING; MILITARY EDUCATION; PHILOSOPHY OF MILITARY ADMINISTRATION

Chapter 2.

HISTORY OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION

AREFIEV Mihail A., DAVYDENKOVA Antonina G.

THE SPECIFICS OF TEACHING THE HISTORY OF PHILOSOPHY AT THE AGRARIAN UNIVERSITY 176

The authors consider the most important functions of philosophical knowledge as a systematic theoretical knowledge, which were developed on the basis of General scientific agricultural education. It is noted that there are two points of view: the first, and we are its supporters, comes from the fact that the historical and philosophical material is given to students as an independent and significant part of the course of philosophy; the second, the opposite point of view, comes from the fact that the ideas and stories of historical and philosophical content are illustrative material. But with this approach disappears the idea of continuity in philosophical knowledge, the individual characteristics of a philosopher, the inclusion of his arguments in the historical and cultural context of a particular era. When we talk about the tradition of teaching philosophy at the Agrarian University, we mean two things: first, the very teaching of philosophy for specialists, bachelors, masters and graduate students as an academic discipline and the history, which was held by the Department of philosophy of the University together with its staff (professors: Galaktionov, Kozhurin, etc.); secondly, in a broader sense, those important functions of philosophical knowledge as a systematic theoretical knowledge, which were developed on the basis of General scientific agricultural education. The philosophy

of education is based on the interpretation of the educational process as the unity of education and training in the interests of man, society and the state. At the same time, the level of General and special education is directly due to both the requirements of production and achievements in science.

SYSTEMATIZED THEORETICAL KNOWLEDGE; AGRARIAN EDUCATION; PHILOSOPHY OF EDUCATION; TRADITION OF TEACHING PHILOSOPHY

LOBEEVA Vera M.

WORK WITH HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL TEXT IN
ENGINEERING UNIVERSITY 191

The article notes the basic conditions of teaching social and humanitarian disciplines in engineering University and presents some methodological methods of working with historical and philosophical text, developed and used in the Bryansk state technical University.

ENGINEERING UNIVERSITY; SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCIPLINES; HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL TEXT; METHODOLOGICAL METHODS OF TEXT ANALYSIS

OSIPOV Igor D.

M. V. LOMONOSOV'S PHILOSOPHY OF EDUCATION 198

The article discusses the philosophy of education of one of the largest scientists of Russia, Mikhail Vasilievich Lomonosov. Attention is drawn to his struggle against dogmatism, authoritarianism, and the upholding of independent scientific research and free thought by scientists. It is noted that in Lomonosov's worldview the ability to assimilate different points of view, an openness to different opinions and ideas, far from the corporate spirit of European workshop science, was clearly manifested. Lomonosov was aware of not only the cultural, but also the political aspect of the development of national science in Russia, guided in this by the state's benefit and service to the Fatherland. The practical beginning of the world academy and academic university at the Academy of Sciences, the organization of the St. Petersburg Academic and Moscow Universities.

PHILOSOPHY; CULTURE; EDUCATION; STATE

PAVLOVA Olga K.

HERITAGE OF ANCIENT CULTURE IN MODERN EDUCATION 209

The article is devoted to the analysis of the source base devoted to the study of the experience and traditions of culture of the ancient period and its impact on modern education and upbringing. Also, the main philosophical ideas expressed by outstanding personalities of the ancient era about the importance of education and upbringing are considered, educational institutions and systems of education and upbringing created in this period are analyzed. Their experience and significance for the

present time are estimated.

HISTORY; HISTORIOGRAPHY; ANTIQUITY; GREECE; ROME; ACHIEVEMENTS; VALUES; TRADITIONS; EDUCATION; PHILOSOPHY; SCIENCES; EDUCATIONAL SYSTEMS; RENAISSANCE; EUROPE; RUSSIA

POGODIN Sergey N.

VLADIMIR IVANOVICH GUERRIER AND WOMEN'S EDUCATION IN RUSSIA 230

The article discusses the history of the Moscow women's courses and the personality Of V. I. Guerrier in the implementation of this idea. The article analyzes the role and place of Moscow women's courses in the formation and development of women's education in Russia.

WOMEN'S EDUCATION; V. I. GUERRIER; HISTORY of WOMEN'S EDUCATION; EDUCATIONAL SYSTEMS

SHAPOSHNIKOV Lev E.

PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL VIEWS OF A.I. HERCEN 244

The Article notes that Hercen attaches particular importance to human mind in the historical process. The philosopher applies these educational attitudes in relation to religion as well, which he treats negatively in general, proving its negative impact on the progress, - The author of the article is critical of this provision. Since the intellectual level is of particular importance in the development of society, Hercen, as his work shows, pays due attention to education. Great importance in the development of students' intellectual abilities, as it is stated in the article, is attached to the humanities, closely related to the national component in education. It is this component that should oppose to "blind" borrowing of Western values and, on the contrary, preserve the original national ones. It is concluded that a number of ideas of the philosopher are still acute for modern Russian society.

MIND; EDUCATION; RELIGION; NATIONAL; POLITICS; SYSTEM

YAGYA Talie S.

HIGHER EDUCATION IN RUSSIAN FEDERATION: HISTORY AND MODERNITY 262

This work is devoted to the study of the education system in Russian Federation. Various views of scientists regarding the concept of education and factors influencing the Russian educational system are considered. Besides, the work lays out the history of the formation of higher education in Russia. Considerable attention is paid to modern higher education and its characteristics. It is noted that teaching in the area of higher education should be practical-oriented. Problems of the development of modern higher education are mentioned. The work also refers to higher education in the field of international cooperation.

EDUCATION; EDUCATION SYSTEM; HIGHER EDUCATION; UNIVERSITY; REFORMATION; EDUCATIONAL PROGRAMMES;

INTERNATIONAL COOPERATION

SIUNDIUKOV Nikita K.

THE PHENOMENON OF SOBORNOST AS A FACTOR OF FORMATION OF A WHOLE PERSONALITY IN THE PHILOSOPHY OF A. S. KHOMYAKOV 292

The article is devoted to the problem of considering the concept of "sobornost" in the philosophical work of A. S. Khomyakov. An attempt is made to reconstruct and clarify some epistemological and metaphysical provisions of A. S. Khomyakov's philosophy. The epistemological concept of "zhivoznaniye", opposed to Autonomous rationalism, finds its continuation in the conciliar "edinomyслие". It is shown that in the context of sobornost the formation and formation of an integral personality is possible only through participation in Church tradition.

SOBORNOST; UNITY; PLURALITY; A. S. KHOMYAKOV; ORTHODOXY; RATIONALISM; CHURCH; METAPHYSICS; EDINOMYSLIE; PERSONALITY; INTEGRITY

RYBAS Aleksandr E.

PHILOSOPHY AS EDUCATION: THE APPROACH TO STUDYING THE IDEAS OF RUSSIAN EMPIRIOCITICS 303

The article considers the views of Russian empiriocritics, primarily P. S. Yushkevich and A. A. Bogdanov, in the context of the problems of education philosophy. It is proved that at the beginning of the twentieth century the functional understanding of truth and the interpretation of philosophy as a tool for transforming reality made it possible for the protagonists of the second positivism in Russia to formulate and solve a number of problems that still retain their relevance and theoretical significance. This way it is demonstrated that the corresponding approach to historical and philosophical interpretation of the basic principles of Russian empiriocriticism is quite possible.

EMPIRIOCITICISM; SECOND POSITIVISM; RUSSIAN PHILOSOPHY; EMPIRIOMONISM; EMPIRIOSYMBOLISM; EDUCATION PHILOSOPHY

Chapter 3.

CULTURE OF EDUCATION IN THE ERA OF GLOBALIZATION

KUCHUMOVA Ekaterina V., VAN Juntao

INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION – A MODERN TREND OF RUSSIAN-CHINESE HUMANITARIAN COOPERATION..... 322

This article is devoted to the study of one of the priority areas of Russian-Chinese humanitarian cooperation - bilateral integration in the field of higher education. The authors analyze the advantages and new

opportunities of the national education systems of China and Russia, the participation of each of them in the integration processes, joint educational programs of Chinese and Russian universities, strategic importance of cooperation between the two countries in higher education.
RUSSIA; CHINA; RUSSIAN-CHINESE COOPERATION; HIGHER EDUCATION; STUDENT EXCHANGE; INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION

MULLER Aili M.

EDUCATIONAL PROJECT OF THE SWEDISH INSTITUTE..... 340

The article deals with the specifics of the Swedish educational system on the example of the Swedish Institute. Special attention is paid to the interrelation of the value norms of the Swedish society with the fundamental purpose and mission of the Swedish Institute.

SWEDEN; SWEDISH INSTITUTE; EDUCATIONAL SYSTEM

RIABOVA Anna L.

THE PHENOMENON OF EDUCATIONAL TOURISM IN THE CONTEXT OF MODERN BRITISH EDUCATION 351

The purpose of the paper is to identify the special characteristics of educational tourism in the UK, its impact on the economy and culture of the state, the analysis of the prospects for further development of British educational tourism. The paper reveals and analyzes the directions of educational tourism, identifies the reasons for the success and popularity of British educational programs, discusses the prospects for the educational tourism development in the context of UK education.

EDUCATIONAL TOURISM; GREAT BRITAIN; EDUCATIONAL SERVICES; UNIVERSITIES

SABLINA Marina A.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE FORMATION OF FINNISH NATIONAL IDENTITY..... 370

The article examines the role of education and the development of the national language in the process of becoming Finnish national identity.

NATIONAL IDENTITY; NATIONAL LANGUAGE; NATIONAL IDEA; FINNISH NATIONAL IDENTITY

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 26.11.2019. Формат 60×84/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1000. Заказ 2734.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного научными редакторами,
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.